

Н. А. Жеребцов

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

МОСКВА
2026

Н. А. Жеребцов в 1860-е гг. Литография, 1910-е гг.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

Н. А. Жеребцов

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

МОСКВА
2026

УДК 94(47)«18»
ББК 63.3(2)52
Ж25

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:
доктор исторических наук А. В. Окроков;
кандидат философских наук Ю. А. Закунов

Редактор —
Владимир Владимирович Аристархов.

Выявление архивных источников —
Александр Викторович Ефимов.

Перевод с французского языка —
Екатерина Сергеевна Григорьева
(бюро переводов «Трансвертум», transvertum.com).

Ж25 Жеребцов Н. А. Очерк истории цивилизации в России : перевод с французского /
Редактор В. В. Аристархов. — Москва : Институт Наследия, 2026. — 880 с.
DOI 10.34685/НИ.2026.48.79.004
ISBN 978-5-86443-537-3

Настоящее издание представляет собой первую публикацию на русском языке основного труда
Николая Арсеньевича Жеребцова (1807–1868) — русского дворянина, славянофила, государственного
служащего и общественного деятеля.

Книга Н. А. Жеребцова может быть рекомендована:

- для ознакомления с историей России, как её видели славянофилы;
- для подробного изучения российской жизни первой половины XIX века во всех аспектах,
от социальной иерархии до состояния экономики, образования, наук и искусств;
- а также всем интересующимся не только фактурой, но и общими закономерностями
исторического процесса в его цивилизационном измерении.

**УДК 94(47)«18»
ББК 63.3(2)52**

**DOI 10.34685/НИ.2026.48.79.004
ISBN 978-5-86443-537-3**

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>В. В. Аристархов</i>).....	6
--	---

НИКОЛАЙ ЖЕРЕБЦОВ. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Том I. Древняя Русь.....	37
Предисловие.....	38
Введение	42
Глава I. Взгляд на историю Руси с момента зарождения до принятия христианства (988)	58
Глава II. Продолжение исторического очерка от принятия христианства до нашествия монголов (988–1224)	77
Глава III. Экскурс в уникальную историю Новгорода.....	97
Глава IV. Литература, образование и мораль на Руси до монголов.....	103
Глава V. Искусства, промышленность и торговля на Руси до монгольского нашествия	117
Глава VI. Исторический очерк монгольского периода (1224–1462)	130
Глава VII. Влияние церкви и примеры благочестия и добродетели	143
Глава VIII. Народное образование и литература в монгольский период.....	155
Глава IX. Искусства, промышленность и торговля на Руси в монгольский период.....	160

Глава X.	Общий обзор монгольского периода и состояния Европы в то же время.....	166
Глава XI.	Исторический очерк царского периода (1462–1689).....	177
Глава XII.	Иерархическая организация русского общества в царский период.....	200
	I. <i>Сословие государственных служащих</i>	200
	II. <i>Организация сословия свободных граждан</i>	210
	III. <i>Организация сословия крепостных и рабов</i>	215
Глава XIII.	Законодательство на Руси в царский период.....	223
Глава XIV.	Система управления на Руси в царский период.....	230
Глава XV.	Общинное устройство на Руси: <i>мир</i>	247
Глава XVI.	Нравы и обычаи в Древней Руси.....	260
Глава XVII.	Образование. Пропаганда науки и литературы.....	295
	I. <i>Духовная литература</i>	308
	II. <i>Законодательная и политическая литература</i>	315
	III. <i>Историческая литература</i>	317
	IV. <i>Собственно художественная литература</i>	323
Глава XVIII.	Искусства и промышленность.....	336
Глава XIX.	Торговля в царский период.....	341
	<i>Приложение 1 к главе XIX тома I</i> <i>(перечень товаров, импортированных через Белое море в 1671 году)</i>	356
	<i>Приложение 2 к главе XIX тома I</i> <i>(перечень товаров, экспортированных в 1673 году через порт Нарвы)</i>	362
Глава XX.	Общий взгляд на царский период на Руси и на состояние Европы в то же время.....	364
Том II. Современная Россия		387
Глава I.	Исторический очерк основных событий в период империи до начала правления Александра II.....	388
Глава II.	Изменения в социальной иерархии в период правления императоров.....	432

СОДЕРЖАНИЕ

Глава III.	Законодательство и управление империей.....	452
Глава IV.	Народное образование	489
Глава V.	Научные общества.....	524
Глава VI.	Духовная и светская литература в России в императорский период	528
Глава VII.	Журналистика.....	588
	<i>Приложение к главе VII тома II (содержание номера «Современника», вышедшего в апреле 1857 года)....</i>	596
Глава VIII.	Наука	599
Глава IX.	Изящные искусства	641
Глава X.	Промышленность в России от реформ Петра Великого до наших дней	673
Глава XI.	Торговля в России в период правления императоров.....	712
Глава XII.	Анализ и выводы	739
	<i>Статья первая. Исторический обзор знаемых событий.....</i>	739
	<i>Статья вторая. Знание.....</i>	756
	<i>Статья третья. Способность к рассуждению и интеллект</i>	767
	<i>Статья четвертая. Стремление к общему благу</i>	775
	<i>Статья пятая. Материальное или осязаемое выражение цивилизации.....</i>	792
	Заключение	806
	Именной указатель.....	815
	Биографическая хроника (Аристархов В. В., Ефимов А. В.)	869
	Библиография Н. А. Жеребцова	878

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Арсеньевич Жеребцов (1807–1868) — русский дворянин, славянофил, государственный служащий и общественный деятель. За двадцать с лишним лет государственной службы он успел поучаствовать в подавлении польского мятежа 1830–1831 г., работал в Управлении водяных сообщений, затем в Министерстве государственных имуществ и в Министерстве внутренних дел. В разные периоды состоял почётным смотрителем училищ и уездным предводителем дворянства в Тверской губернии, гражданским губернатором Виленской губернии, почётным мировым судьёй в Москве. Успешная карьера Жеребцова была отмечена рядом орденов и монарших благоволений; в 1849 году он был пожалован в чин действительного статского советника (аналог генерал-майора в армии). О незаурядных дарованиях Николая Арсеньевича говорит ряд публикаций на русском и французском языках, а также членство в таких организациях, как Вольное экономическое общество, Русское географическое общество, Императорское Московское общество сельского хозяйства и Императорская академия художеств. Между периодами пребывания на государственной службе Жеребцов уделял внимание предпринимательской деятельности: так, именно он стал одним из учредителей пароходного общества «Меркурий», позже преобразованного в знаменитое пароходное общество «Кавказ и Меркурий»¹.

Книга Н. А. Жеребцова «Очерк истории цивилизации в России» вышла на французском языке в Париже в 1858 году². О причине её написания автор

¹ Подробная биографическая хроника и библиография Н. А. Жеребцова приводятся в приложении к настоящему изданию.

² *Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie* par Nicolas de Gerebtzoff, 1858, Paris, Amyot, 2 vol.

сообщает в самой первой фразе своего труда: «Подолгу путешествуя по разным европейским странам, я был поражён тем неведением, в котором находится большинство людей — кстати, весьма образованных — в отношении всего того, что касается не только Руси древней, но и России современной»¹.

Говоря современным языком, проект Жеребцова можно назвать попыткой воздействия «мягкой силой» на зарубежную целевую аудиторию. Предприятий такого рода в дореволюционной российской истории было крайне мало; более того — автор проделал эту огромную работу исключительно по собственному почину, без какого бы то ни было содействия со стороны правительства. И инициатива его может вызывать только самое искреннее уважение.

Сегодня ценность книги Жеребцова усматривается в двух аспектах. Во-первых, это обширнейший свод материалов по русской истории с древнейших времён и до середины XIX века. Эпоха Николая I, в рамках которой складывался жизненный путь автора, получила особенно подробное отражение.

Безусловно, Жеребцов не мог обладать всеми знаниями, доступными современным исследователям. Однако его видение интересно тем, что показывает точку зрения представителя тогдашней российской элиты. Точнее, наиболее патриотической, национально ориентированной её части. Изданная Жеребцовым книга является подлинной энциклопедией русской жизни, интересной и для рядового читателя, и для знатока истории.

Жеребцов не был профессиональным историком; напомним, что он окончил институт Корпуса инженеров путей сообщения. В тексте есть фактические ошибки и неточности (по возможности они отмечены в сносках по тексту настоящего издания); иногда Жеребцов ссылается на источники, чья достоверность подвергается сегодня сомнению. «Очерк истории цивилизации в России» следует отнести не к научным трудам, а к историко-философской публицистике, причём адаптированной для иностранного читателя. Тем не менее эрудиция автора поражает воображение и даёт представление о том уровне образования, которым обладали многие государственные служащие императорской России.

Весьма ценно, что Жеребцов в своём повествовании постоянно сопоставляет российские реалии и уровень развития Европы в аналогичные периоды. Такой подход обеспечивает гораздо более объективное сравнение, чем когда зарубежная история изучается в отрыве от истории родной страны. Следует отметить, что российская система образования до сих пор не вполне свободна от данного недостатка.

¹ См. настоящее издание. С. 38.

Второй аспект, заслуживающий внимание современного читателя, связан с историей русской общественной мысли того времени. Середина XIX века – время полемики славянофилов с западниками, и в данной работе Жеребцов формулирует ряд ключевых тезисов славянофильской идеологии.

Один из этих тезисов – идеализированное представление о русской крестьянской общине, *мире*¹, и о якобы присущем русскому народу общинном мировоззрении. Кстати, коллективизм и сегодня причислен к традиционным российским духовно-нравственным ценностям². Однако «общинность» может проявляться как минимум в трёх аспектах: как привычка к взаимной помощи, как способность к самоорганизации и как склонность к коллективному труду. Взаимопомощь и взаимовыручка, безусловно, входят в число самых ярких черт русского национального характера; это отмечают многие исследователи. Если говорить о способности к самоорганизации, то она точно не является нашей сильной стороной (это объясняется, вероятно, значимой ролью государства и обусловленной ей тягой к патернализму). Ну а что касается непременно совместного труда и общинной организации хозяйства – следует указать, что поземельная община насаждалась «сверху» в XVII–XVIII веках как удобный механизм организации барщины, сбора оброка и налогов. До того ни круговая порука, ни земельные переделы никоим образом не являлись обычной практикой.

Советская историческая наука охотно использовала славянофильскую аргументацию для оправдания колхозной системы. Однако неангажированные историки постоянно указывали на ошибочность славянофильского мировоззрения в этой его части. Так, учёный-эмигрант С. Г. Пушкарёв отмечал: «Земельное «уравнение» у помещичьих крестьян в XVIII в. вызывалось отнюдь не эгалитарными стремлениями «народного духа», а хозяйственно-финансовыми интересами помещика, всесильного в XVIII в. распорядителя личностью и имущества подвластного ему крестьянства»³.

«На стороне «мирского» землевладения стояли и славянофилы, видевшие в общине создание русского народного духа, и основоположники революционного народничества А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, видевшие в общине переходную ступень к будущему социалистическому строю, и петербургские

¹ Слово «мир» (в значении «община») в оригинальном французском тексте везде приводится Н. А. Жеребцовым дословно («*mir*»). В настоящем издании слово «*мир*» в данном значении выделено курсивом.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, п. 91.

³ Пушкарёв С. Г. История России. Работы разных лет. М., 2011. С. 102.

бюрократы, видевшие в общине привычный институт обычного права и предпочитавшие при взыскании государственных податей и повинностей (рекрутской и других) иметь дело с крестьянским «миром» (сельским и волостным), а не с миллионами отдельных крестьян»¹.

В 1925 году русский философ С. Л. Франк писал: «Известный тезис славянофилов о том, что славянский, или русский, дух исконно коллективистичен (в том смысле, что он отвергает личную свободу, договорные отношения и индивидуальную собственность) и имеет склонность к коллективным экономическим формам, что доказывается существованием мнимо самобытной русской общины... историческая наука уже давно признала ошибочным. Русская крестьянская община вообще не является самобытным институтом русской правовой жизни, наоборот, она была введена довольно поздно и совершенно искусственно из фискальных интересов. Также ни в коем случае нельзя отказать русскому правовому сознанию в склонности к свободной индивидуальной собственности и договорным отношениям»². Миф о русском «коллективизме» «...очень поощряется славянофильской теорией, которая поэтому несёт значительную ответственность за современную русскую катастрофу. Ибо эта роковая утопически-романтическая теория патриархально-коллективистской крестьянской общины, как единственной опоры русской национальной культуры и русской государственной жизни, служила основой экономической и государственной политики русского консерватизма, искусственно препятствовавшей развитию экономической и государственной жизни в более свободных правовых формах. Такая политика боялась независимого и уверенного в себе собственника и именно поэтому косвенно способствовала хаотически-революционному брожению в народе»³. В противовес коллективизму в «общинном» понимании этого слова, Франк указывает на наличие у русского человека своего рода «духовного коллективизма», который «выражается непереводаемым словом «соборность»»⁴.

Как славянофил, Н. А. Жеребцов внёс свой вклад в формирование мифа о русском общинном коллективизме.

Представляется, однако, что значение славянофильства отнюдь не исчерпывается идеализацией общины. Ценность идей славянофилов состоит прежде всего в поставленном ими вопросе о различии культур разных народов, каждый из которых движется по своему пути исторического развития.

¹ Там же. С. 138–139.

² Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 177–178.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же. С. 178.

В дальнейшем труды славянофилов способствовали разработке ценностно-цивилизационного подхода к изучению общества, основоположником которого стал Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885). Работа Данилевского «Россия и Европа» была опубликована в 1869 году; сравнивая тексты двух авторов, мы обнаруживаем у Жеребцова прообразы тех идей, которые развил и изложил Данилевский.

Казалось бы, сам термин «цивилизация» используется у Жеребцова лишь для обозначения определённого уровня общественного развития, как духовного, так и материального. Автор пишет: «...Мне необходимо было определиться со значением слова *цивилизация*, так как его смысл весьма слабо определён. Данное значение очень пространно и выражает изменчивое понимание термина в его социальном аспекте, согласно идее совершенствования, свойственной каждому из мыслителей, от иллиуминатов до эпикурейцев, от апостолов и отцов церкви до Фурье и Прудона»¹. История, согласно этой идее, рассматривается как поступательное движение от «варварства» к «цивилизации». «В самом деле, цивилизация представляет собой общее связующее начало для всего человечества: каждый народ играет свою роль в заполнении этой обширной сферы совершенствования человеческого рода...»² — то есть здесь понятие «цивилизации» выступает не как указание на культурно-исторические отличия, а, наоборот, как объединяющий все народы принцип и вектор исторического развития.

Оценка успехов каждой нации, по Жеребцову, должна осуществляться в зависимости от степени достижения ею высшей степени цивилизованности. «Совершенная цивилизация, с нашей точки зрения — это высшая степень развития интеллектуальных и моральных способностей всех личностей, составляющих нацию; это та степень развития, которая соотносится с наивысшим благом всех и каждого»³. На протяжении всей книги автор доказывает, что современная ему Россия по уровню цивилизованности никак не уступает Западу ни в материальном, ни тем более в духовно-нравственном отношении. Фактически Жеребцов опровергает тезис о «вековой отсталости» царской России, бывший краеугольным камнем советской исторической науки.

Но в то же время Жеребцов не устаёт повторять, что Россия — это не Европа, что «это не просто страна, а часть света»⁴:

¹ См. настоящее издание. С. 40.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 729.

«...Россию следует рассматривать не как обычную страну, являющуюся частью Европы, а как особую часть мира...»¹

«Поэтому каждый русский вправе без излишней самонадеянности сказать себе, что... та часть света, гражданином которой он является, — это не Европа и не Азия, а великая Россия»².

«Мы уже говорили и вновь повторяем: Россию следует рассматривать с иной точки зрения, чем другие страны Европы. ... Россия — это самостоятельное явление, которое существует само по себе и должно развиваться в соответствии со своей собственной природой. Это великий микрокосм, который содержит в себе все условия для формирования самостоятельного бытия. Однако это не означает, что Россия не может и не должна поддерживать добрососедские отношения с другими самостоятельными частями человечества, согласовывая условия своего существования с требованиями общей гармонии»³.

По сути, Жеребцов выступает здесь как сторонник цивилизационного подхода, хоть и не используя само слово «цивилизация» для обозначения отличных друг от друга культурно-исторических типов.

В книге можно усмотреть указания на объективные предпосылки для разделения человечества на отдельные цивилизации; собственно, это те самые природно-климатические, географические и исторические условия, которые определяют цивилизационную специфику. Вот несколько высказываний автора, посвящённых данной теме:

«Однако роль расовой принадлежности, темперамента, климата, образования и нравов проявляется в развитии тех или иных мыслительных способностей и порождает те поразительные сходства, которые мы замечаем у людей из одной семьи, одного региона или даже у представителей одной и той же нации»⁴.

«Каждая нация обладает определёнными доминирующими качествами и недостатками, которые являются следствием её природных предрасположенностей и полученного ею исторического воспитания»⁵.

Отсюда следует важнейший вывод о недопустимости бездумного копирования иностранного опыта — едва ли не самое важное практическое следствие из цивилизационного подхода. Осознание его в современной России произо-

¹ Там же. С. 801–802.

² Там же. С. 814.

³ Там же. С. 734.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 782.

шло лишь совсем недавно, на наших глазах; полутора веками ранее Жеребцов прозорливо пишет:

«Привычки и нравы являются непосредственными следствиями истории народа, его природы и климата, в котором он живёт. Таким образом, какое-либо открытие или новшество может с большой пользой применяться для повышения благосостояния одной страны, но будет совершенно бесполезно для другой. Тот образ жизни, который обеспечивает благополучие в Чили, привёл бы к абсолютно противоположному в Гудзоновом заливе; то, что может порадовать неаполитанца, принести ему удовольствие и дополнительное благосостояние, может быть неприятным для датчанина»¹.

Один из постулатов современного цивилизационного подхода состоит в том, что самобытность каждой цивилизации определяется прежде всего присущей ей системой духовно-нравственных ценностей. И хотя мы не увидим у Жеребцова столь явную формулировку данного тезиса, тем не менее, объясняя специфику русской цивилизации, он говорит именно о ценностях. Точнее, Жеребцов постоянно подчёркивает ключевую роль православия для формирования русской идентичности — но не православия «вообще», а тех нравственных качеств, которые православие развивало в русском народе. В сущности, это и есть ценностный подход, как бы «упакованный» в религиозные представления:

«...Мы глубоко убеждены, что движение по пути цивилизации может быть по-настоящему благотворным лишь в той мере, в какой им руководит влияние христианского духа в сфере нравственности»².

«Возврат к народности у нас есть не что иное, как возвращение уважения к исповедуемой нами религии и соответственно также сближение с народом, возвращение к христианскому благочестию, тем самым и к возвышению души, очищению нравов, милосердию, доброте, любви к ближнему, братству — одним словом, к развитию нравственного элемента цивилизации»³.

К числу важнейших ценностей Жеребцов относит «стремление к общему благу, любовь к ближнему, глубокое чувство христианского братства»⁴.

Такая точка зрения позволяет дать ответ на вопрос: почему именно на Руси православное христианство оказало столь мощное влияние на формирование национального менталитета, и почему это влияние привело именно к таким

¹ Там же. С. 56.

² Там же. С. 751.

³ Там же. С. 790.

⁴ Там же. С. 740.

результатам? Ведь русская культура в её ценностном аспекте очевидным образом отличается от культуры иных православных государств, таких как Греция, Грузия, Молдавия... Жеребцов пишет:

«Введение христианства, несомненно, оказало благотворное влияние на русский народ и распространилось без малейших усилий, так как этот народ сам изначально составлял общины, где основными связующими элементами были равенство, братство и любовь — принципы, лежавшие в основе новой религии, проповедуемой просвещённым и ревностным духовенством»¹.

«Таким образом, христианская вера, полностью соответствующая характеру, господствующим воззрениям, нравам и обычаям русского народа, смогла утвердиться в стране на прочной основе; она была искренне и открыто принята народом, так как лишь закрепляла в форме заповедей уже существовавшую мораль»².

Действительно, в данной оптике цивилизующее и одухотворяющее воздействие христианства оказывается как нельзя более соответствующим тем объективным условиям, в которых зарождалась русская цивилизация. Данные условия предопределили специфическую иерархию духовно-нравственных ценностей, а православие способствовало их укоренению в русской культуре. Формирование особой русской (российской) культурно-цивилизационной идентичности стало результатом совместного воздействия этих факторов.

Из сказанного следует очевидный вывод о важности сохранения традиционных для русской цивилизации духовно-нравственных ценностей — ибо именно они определяют образ жизни, оптимально соответствующий природным, историческим и географическим условиям нашего бытия. А следовательно, и сегодня первостепенное значение должно придаваться воспитанию в духе традиционных ценностей. Нам снова приходится признать, что такое понимание только формируется у современной российской элиты. В то время как Жеребцов предельно чётко указывает на обязательность совмещения образования и воспитания, бессмысленность первого без второго:

«Мы не хотим материального совершенствования, отделённого от нравственного развития, поскольку такой прогресс, не имея ограничений, ведёт утратившие веру народы от одного потрясения к другому, приводя их либо к разрушению, либо к окончательному разложению. Мы сторонники прогресса, но прогресса цивилизующего...»³ — и здесь под «цивилизующим» элементом

¹ Там же. С. 776.

² Там же. С. 777.

³ Там же. С. 813–814.

Жеребцов безусловно имеет в виду духовно-нравственное воспитание. Он опирается на исторический опыт Руси: «Основой воспитания детей было развитие нравственного чувства; приобретение знаний всегда стояло на втором плане»¹.

При этом, как мы уже видели, нравственное воспитание для автора означает прежде всего воспитание в православном духе. Жеребцов пишет: «Развитие начального образования в России должно идти рука об руку с распространением религиозного воспитания; вместе они принесут благо; само по себе обучение грамоте станет лишь злом»².

Любопытно, что в качестве примера для доказательства сказанного Жеребцов сопоставляет русских и прибалтов. Длинная цитата стоит того, чтобы её привести:

«Но, как мы уже отмечали, могут ли быть оправданы те жертвы, которых потребовала бы организация необходимых условий для образования, если результатом станет лишь распространение навыков чтения, письма, арифметики и даже грамматики, без одновременного нравственного воспитания? Конечно, нет, и мы намерены доказать это на примере, взятом из самой России. В Курляндии, Лифляндии и Эстляндии крестьяне, исповедующие лютеранство, почти все умеют читать и писать; тогда как в Московской, Владимирской, Ярославской и некоторых других губерниях многие крестьяне этого не умеют. Однако если, несмотря на это, сравнить курляндского, лифляндского или эстляндского крестьянина с крестьянином из Московской, Владимирской или Ярославской губернии, то перед нами предстанет дикарь рядом с человеком, обладающим полноценным развитием. Зайдя в дом крестьянина из прибалтийских губерний, вы обнаружите его грязным, зловонным и отталкивающим, хотя этот человек и умеет читать и писать; в то время как жилище доброго крестьянина из упомянутых русских губерний напоминает швейцарское шале. Это подтверждает, что развитие и культура определяются не одной лишь грамотностью, но и другими элементами цивилизации...»³

Чтобы предупредить возможные обвинения автора в необъективности, укажем его очевидного единомышленника: это не кто иной, как Александр Сергеевич Пушкин. «Путешествие из Москвы в Петербург» было написано Пушкиным в 1834 году, и изложенные там впечатления весьма сходны с оценками, которые даёт Жеребцов. Уличая в предвзятости Радищева и его карикатурное «Путешествие из Петербурга в Москву», Пушкин, в частности, пишет:

¹ Там же. С. 286.

² Там же. С. 522.

³ Там же. С. 760.

«Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смыслённости и говорить нечего. Преимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. ... В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны ещё произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»¹

У нас нет сведений о знакомстве Н. А. Жеребцова и А. С. Пушкина (известно, впрочем, что Екатерина, сестра Николая Арсеньевича, с 1836 года была замужем за одним из приятелей Александра Сергеевича, Никитой Всеволодовичем Всеволожским). Однако близость взглядов двух этих патриотов-государственников прослеживается достаточно очевидным образом.

Изучая российскую историю, как Пушкин, так и Жеребцов уделяли особое внимание эпохе Петра I. И если задуманный Пушкиным труд на данную тему остался незавершённым, то Жеребцов ясно формулирует своё критическое отношение к этому представителю династии Романовых. Такая позиция логично вытекает из мировоззрения автора, указывающего на неприемлемость бездумного копирования иностранного опыта. А именно таковой была политика Петра I:

«Мы уже отмечали черты, присущие начатой этим государем реформе: *по своему духу* она стремилась к рабскому подражанию иностранным образцам, игнорируя исторические, политические и религиозные традиции нации; *по форме* это была резкая и *внезапная* перестройка общества, находившегося на пути собственного поступательного развития, перестройка на новых основаниях и по чуждым народу образцам. Таким образом, имело место отклонение, а значит, и прекращение национального, внутренне обусловленного цивилизационного развития, которое уступило место внешнему воздействию космополитической природы»².

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Изд. 4-е. Т. 7. Л., 1978. С. 200.

² См. настоящее издание. С. 748.

Жеребцов акцентирует отличия между «западническим» курсом Петра I и национально ориентированной политикой Николая I:

«Пётр I отличался жестокостью, в то время как Николай I был лишь строг; Пётр стремился к реформам, а Николай был ярким консерватором и стал опорой православия; Пётр жертвовал народностью ради европеизации, тогда как Николай, напротив, возвеличил национальные традиции. Таким образом, можно отметить, что Пётр, стремясь решительно направить свой народ к прогрессу, продвинул лишь верхние слои общества — и то по ложному пути, при этом остановив развитие основной массы, обречённой на вековой застой»¹.

Результатом петровских реформ стало отчуждение элиты от основной массы населения: «Высшие слои общества, утратившие всякую связь своих идей, обычаев, верований и морали с народом, фактически стали как бы отдельным народом»². Жеребцов видит в этом ключевую проблему для будущего развития России. Нельзя не отметить, что и современная историческая наука рассматривает сословный раскол российского общества в качестве одной из важнейших предпосылок трагических событий 1917 года и последующего советского периода.

Размышления Жеребцова приобретают особую ценность, когда мы, обладая знанием XXI века, сопоставляем два переломных момента в истории нашей страны — реформы Петра I и «социалистическое строительство» 1920–1930-х годов. В обоих случаях решалась задача модернизации; в обоих случаях это происходило с чудовищной растратой людских ресурсов и повлекло за собой исключительно серьёзные проблемы в долгосрочной перспективе. Говоря об эпохе Петра I, Жеребцов делает два вывода. Во-первых, о том, что крайне высокая цена реформ объясняется прежде всего разрывом преемственности с предшествующей традицией, применением неэффективных в российских условиях инструментов и методов. Во-вторых — и это главное! — вывод о неоправданности принесённых жертв. Нет никаких оснований полагать, что модернизация начала XVIII века могла быть достигнута только петровскими методами. Необходимые реформы начались задолго до Петра I и могли бы продолжаться в рамках органичного национального развития не с меньшей, а с большей успешностью.

Те же самые закономерности просматриваются в российской истории первой половины XX века. И если, как нам представляется, выводы Жеребцо-

¹ Там же. С. 755.

² Там же. С. 788.

ва справедливы — то как минимум необходимо ясно сказать, что в 1917 году Россия выбрала отнюдь не самый эффективный путь развития. Возможен был иной путь, национальный и некоммунистический; пренебрежение им оказалось во многом плодом исторической случайности.

Сказанное не умаляет героизма советских людей — однако позволяетшний раз напомнить об ответственности элиты за судьбы страны. И это третий вывод, который следует из сделанного Н. А. Жеребцовым анализа русской истории.

Историческая наука не имеет смысла, если у неё нет «сослагательного наклонения». Мы вправе изучать ошибки, сделанные нашими предками; вправе рассматривать альтернативные, объективно возможные варианты исторического развития. Анализ прошлого помогает избежать ошибок в будущем. Именно об этом размышлял Н. А. Жеребцов, когда писал свою книгу.

Говоря о Жеребцове как историке, нельзя не обратить внимание на его отношение к «норманнской» теории происхождения российской государственности. Это важно, поскольку наше видение исходных предпосылок исторического процесса определяет понимание логики его развития. Как указывал историк М. П. Погодин ещё в 1846 г.: «История всякого государства есть не что иное, как развитие его начала... Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории, и решает судьбу его на веки веков»¹.

Напомним, что суть «норманнской» теории можно свести к двум тезисам: что на Руси не существовало государственности до призвания Рюрика, и что сам Рюрик был не славянином, а скандинавом или «норманном». Историки до сих пор не пришли к единому мнению о достоверности данной концепции; дискуссии на эту тему начались ещё в XVIII веке и продолжаются до сих пор. Можно, однако, отметить следующую закономерность: продвижение «норманнской» теории активизируется в те периоды, когда российское государство придерживается в целом «западнического» курса. И наоборот: примат национальных интересов, обретение духовного суверенитета благоприятствует введению в научный оборот данных, опровергающих «норманнскую» теорию. Современная политика направлена на обеспечение безопасности российского государства-цивилизации, сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей — а значит, можно рассчитывать, что в обозримой перспективе мы станем свидетелями окончательного отделения правды от лжи и официального отказа от «норманизма».

¹ Цит. по: Фомин В. В. Антинорманизм. Наука против лжи. Т. 1. М., 2025. С. 7.

Что касается Жеребцова, то в своём труде он повторяет рассказ о призвании на царство «норманна» Рюрика, полагая его достоверным: «В IX веке норманны находились на пике своей военной славы. Вся северная Европа содрогалась и испытывала уважение при упоминании их имени; возможно, именно поэтому новгородцы выбрали норманнского воителя»¹.

Однако в другом месте Жеребцов заявляет о том, что формирование славянской государственности относится вовсе не к IX, а к V веку нашей эры! «...Славяне, занимавшие территорию между Балтийским и Чёрным морями, с одной стороны, и между Карпатами, Одером и Уралом — с другой, начали появляться в круговороте европейской истории с IV века. Последовавшие друг за другом волны переселения гуннов и готов на Запад избавили славянские народы от этих варваров-угнетателей, спустившихся с высоких азиатских плато для разорения их земель. Только с той поры славяне смогли начать формировать независимые государства, создание которых, в свою очередь, не заняло много времени. Как нам известно, уже в V веке у славян были города. Киев был основан в 430 году, а Новгород, Старая Русса и Словенск уже существовали в то время»².

Современная археология не подтверждает эти сведения: материальные свидетельства, обнаруживаемые при раскопках, относятся к более позднему периоду. Но ведь датировка находок даёт лишь верхнюю границу на временной шкале. Если обнаружение тех или иных предметов свидетельствует о существовании поселения на такую-то дату, то это не значит, что оно не могло быть основано раньше. Представление о наличии государственных образований у славян до «призвания Рюрика» постепенно получает всё больше подтверждающих фактов и всё больше сторонников³. Как мы видим, и для Жеребцова «призвание Рюрика» также являлось лишь одним из эпизодов русской истории, но никак не началом российской государственности.

Рюрик, согласно Жеребцову — это «варяжский или норманнский князь»⁴. Но кто такие «варяги»? У Жеребцова присутствует упоминание о «варягах, жи-

¹ См. настоящее издание. С. 62.

² Там же. С. 60.

Известие о том, что Киев существовал с 430 года, содержалось в некой не дошедшей до нашего времени «Киевской летописи» начала XI века, на которую ссылается польский историк и дипломат XVI века Матей Стрыйковский. См. Стрыйковский М. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси. Книга 11. Глава 3 (https://www.vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text11.htm). См. также: Тарасов И. М. Об упоминании «днепровских варягов» в контексте предания о начале Киева // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 22–71.

³ Подробнее см., например: Грот Л. П. Вводный исторический очерк // *Сага о Тидреке из Берна*. М., 2025.

⁴ См. настоящее издание. С. 62.

телях современной Пруссии»¹ (то есть современной по отношению к описываемому периоду). Более того, в другом месте он прямо пишет: «Норманнские варяги из восточной части Балтийского моря назывались *варяго-русами*»².

Общеизвестно, что до XIII века Пруссию населяли западные славяне, пруссы, и Жеребцов не мог этого не знать. Возможно, он полагал, что «пруские варяги» тоже относились к «норманнам», если рассматривать последних как некую собирательную категорию; в книге отсутствует детальное рассмотрение этого вопроса. Так или иначе, сегодня противники «норманнской» теории аргументированно доказывают западно-славянское происхождение Рюрика.

Хотя Н. А. Жеребцов не стал углубляться в исследование данной проблематики — во всяком случае, его точно нельзя считать приверженцем «норманизма».

Критические отзывы на «Очерк истории цивилизации в России» можно поделить на две группы: сдержанно-благожелательные и разгромно-негативные.

Новость о выходе книги Жеребцова была опубликована в ряде французских и российских изданий. Парижское «*Revue critique de livres nouveaux*» в октябре 1858 г. сообщало: «В книге господина де Жеребцова читатель найдёт чрезвычайно ценные сведения об общественном образовании, научных обществах, духовной и светской литературе, журналистике, науках, изящных искусствах, промышленности — словом, обо всём, что позволяет судить об интеллектуальном развитии русского народа»³. Издававшаяся в Монпелье газета «*L'Argus meridional*» уделила место краткой биографии автора, хвалила его «превосходный французский язык» и отмечала «как полноту, так и размах» вышедшего труда⁴.

Русский писатель и публицист Николай Иванович Греч (1787–1867) посвятил книге Жеребцова значительную часть своих «Газетных заметок», опубликованных в газете «Северная пчела» 22 сентября 1858 г. под псевдонимом Эпигон. Он пишет: «Долг всякого русского, особенно человека смышлёного, изучившего своё отечество и в минувших событиях его, и в нынешнем его состоянии, выставять Россию в действительном её виде, не преувеличивая хорошего, не скрывая дурного, и основывая всё это на верных и неоспоримых данных.

¹ Там же. С. 121.

² Там же. С. 66, сноска 1.

³ Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de Gerebtzoff. Paris, Amyot, 1858; 2 vol. in-8: 16 fr. («Очерк истории цивилизации в России», написанный Николаем де Жеребцовым. Париж, издатель Амийо, 1858; 2 тома ин-октаво: 16 франков) // *Revue critique de livres nouveaux* («Критический обзор новых книг»), Paris, octobre 1858. С. 475–476.

⁴ Jules Le Sire. «Chronique Parisienne» (Жюль Лё Сир. «Парижская хроника») // см. *L'Argus meridional* («Южный Аргус», от многоглазого великана Аргуса из древнегреческой мифологии). Montpellier, N° 47, 21 novembre 1858. С. 2.

Этот долг предпринял исполнить один наш почтенный соотечественник, Николай Арсеньевич Жеребцов...»¹

Сам Греч практически не комментирует текст Жеребцова, а ограничивается приведением множества цитат, которые сами за себя говорят в пользу книги.

Работу Жеребцова с одобрением упоминает литературный критик и историк литературы Степан Петрович Шевырёв (1806–1864). В своей «Истории русской словесности» (1858) он, в частности, указывает: «Конечно, при таком великом труде нельзя избежать маленьких промахов, в которых каждый добросовестный читатель извинит автора. Но кто любит своё отечество и кто верно понимает его жизнь и историю, тот изъявит полное сочувствие трудолюбивому и даровитому автору этой книги, проливающей новый свет перед всем просвещённым Западом на прошедшие, настоящие и грядущие судьбы нашего Отечества»².

Большой критический материал, посвящённый книге Жеребцова, вышел в первом томе парижского журнала «Revue européenne» за 1859 год, в разделе «Библиография»³. «Именно там, где речь идёт непосредственно о России, «Очерк истории цивилизации» представляется мне в высшей степени заслуживающим внимания публицистов»⁴, – признаёт автор статьи. Излагая основные концепции Жеребцова, он указывает при этом на недостаточную, по его мнению, компетенцию русского сочинителя в области истории Франции⁵. «Впрочем,

¹ Эпигон. Газетные заметки // Северная пчела. СПб., № 207, 22 сентября 1858 г. С. 1–2 (С. 881–882 по сквозной нумерации газеты).

² Шевырёв С. П. История русской словесности. Часть третья. М., 1858. С. XXI–XXII.

³ Léopold Monty. Bibliographie (Леопольд Монти. «Библиография») // Revue européenne («Европейское обозрение»). Paris, 1859. Т. 1. С. 194–203.

⁴ Там же. С. 196.

⁵ «Автор, хотя и ведёт достаточно суровую полемику с пагубными, по его мнению, последствиями французского влияния в России, отнюдь не настроен враждебно по отношению к Франции. Можно лишь усомниться, достаточно ли хорошо он её знает, чтобы судить о ней с полной уверенностью. Обвинять короля Людовика XI в малодушии, приписывать нашим крестьянам поголовное невежество и неискоренимую косность – утверждения, на наш взгляд, смелые, но не продиктованные злым умыслом. Что бы ни говорили господину де Жеребцову, наши землевладельцы вовсе не считают, будто землю нельзя глубоко пахать из-за того, что дьявол якобы рассыпал на некоторой глубине семена мака. Если бы подобное нелепое суеверие действительно отражало общее состояние сельской жизни, откуда же взялась бы та плеяда солдат, ум и храбрость которых Россия, без сомнения, ценит столь высоко? К тому же французский народ не был бы столь скептичен, как утверждает автор, если бы среди него по-прежнему господствовала подобная наивная доверчивость. По словам господина де Жеребцова, «французская нация не обладает ни глубокими философскими убеждениями, ни религиозными верованиями». «...Ужасный духовный катаклизм с корнем вырвал из сердца французского народа всякое начало христианской веры». «Теперь мы видим, что Франция находится под исключительным влиянием устремлённости к личным интересам. Люди не ладят друг с другом; общественные силы ненавидят друг друга, потому что любая уступка общественному

повторим: это лишь частные неточности, не мешающие признать, что господин де Жеребцов искренне расположен к нашей стране»¹.

Единственный тезис Жеребцова, с которым автор «*Revue européenne*» категорически не согласен, относится к роли православия — или, как он его называет, «московской схизмы» (от греческого «схизма» — раскол). «Но могу ли я сказать, что ожидаю развития самобытной цивилизации, к которому стремится наш историк, от той религии, которая сформировалась в России под воздействием схизмы и веков варварства? Осмелюсь признаться — надежд у меня немного. Если в каком-либо отношении труд господина де Жеребцова и заслуживает упрёка в излишней идилличности, который ему порой несправедливо предъявляют, то, на мой взгляд, именно в том, что касается Русской церкви и состояния религиозных верований в России. ... Пусть господин де Жеребцов примет это во внимание: достаточно доказать одно — неспособность московской схизмы стать основанием подлинной цивилизации, — и вся доктринальная часть его труда немедленно рухнет. Искренне верующий публицист, который, как и мы, не допускает существования у современных народов цивилизации вне христианства, должен прежде всего доказать, что в его стране ещё достаточно подлинно христианского духа, а не одной лишь внешней набожности, чтобы породить и поддержать то развитие, к которому он стремится»².

Для обоснования такой точки зрения французский автор цитирует книгу «Россия и будущее», принадлежащую перу польского сепаратиста, эмигранта Генрика Каменского: «Из всех христианских исповеданий греко-русский обряд придаёт наибольшее значение внешним формам; нравственное начало в нём совершенно отодвинуто на второй план и фактически сведено на нет; вместо того чтобы давать учение, способное нравственно возвышать человека, религия здесь сводится к совокупности внешних обрядов, не затрагивающих ни сердца, ни разума...»³ Оставим на совести французского публициста вопрос об уместности ссылки на польского русофоба, очевидно предвзятого по отношению

благу, которая отняла бы что-то у личного благополучия, несовместима с личной жадностью каждого заинтересованного лица». Что ж, пусть господин де Жеребцов позволит мне сказать ему откровенно: этот портрет страдает двойным недостатком — в целом он не соответствует ни одному периоду нашей истории, а в отдельных деталях отстаёт по меньшей мере на добрый десяток лет». (Там же. С. 195–196. См. настоящее издание. С. 49 (сноска 1), 51, 53, 372.)

¹ Там же. С. 196.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 199. (См. Henryk Michał Kamiński. *Le Russie et l'avenir* (Генрик Михал Каменский. «Россия и будущее»). Paris, 1858.)

ко всему русскому. В этом плане западная пропаганда ничуть не изменилась за прошедшие полтора века.

Но что интересно: автор статьи в «Revue européenne» обнаруживает, что как Жеребцов, так и Каменский приходят к одним и тем же выводам о перспективах развития Российской империи. Жеребцов заканчивает свой труд словами о том, что «...каждый русский вправе без излишней самонадеянности сказать себе, что он принадлежит к нации, которой в будущем в этом мире предстоит стать самой могущественной и самой процветающей»¹. У Каменского же читаем: «...Россия находится в условиях, гораздо более благоприятных для роста, чем другие народы; и всё указывает на то, что однажды она превзойдёт их и по силе, и по численности населения»². Надо отдать должное французскому автору в том, что здесь он решительно осуждает антироссийскую позицию Каменского, призывающего страны Запада «не допустить чрезмерного усиления этого колосса, который, по его мнению, способен их раздавить, или, по крайней мере, укрепить преграды, о которые могли бы разбиться его устремления»³.

Одной из наиболее глубоких стала рецензия на «Очерк истории цивилизации в России», опубликованная в парижской газете «La Presse» 26 ноября 1858 г.⁴ В отличие от многих своих коллег, её автор действительно изучал Россию. Журналист, писатель, историк и дипломат Луи Леузон Лё Дюк (Louis Léouzon Le Duc, 1815–1889) неоднократно бывал в нашей стране и издал ряд книг, посвящённых Российской империи и её отношениям со странами Запада.

В статье, озаглавленной «Цивилизация и Россия», Леузон Лё Дюк прежде всего указывает на актуальность предпринятого Жеребцовым издания. Совсем недавно, в 1856 году закончилась Крымская война; понятно, что во время военных действий любая информация о России подавалась во Франции исключительно в негативном ключе. «Теперь времена изменились: мир заключён... Прежде всего стремились выявить пороки и злоупотребления, позорящие страну; при этом достоинства и качества, составляющие её честь, оставались в стороне. Между тем, как и всякая другая нация, русский народ имеет право быть изученным во всей полноте. Никогда ещё не было более благоприятного момента для подобного исследования.

¹ См. настоящее издание. С. 814.

² Цит. по: Léopold Monty. Bibliographie // Revue européenne. Paris, 1859. Т. 1. С. 202.

³ Там же. С. 202.

⁴ L. Léouzon Le Duc. La civilisation et la Russie (Л. Леузон Лё Дюк. «Цивилизация и Россия») // La Presse («Пресса»). 26 novembre 1858. С. 1.

Это прекрасно понял г-н де Жеребцов, которому мы обязаны появлением труда значительной важности». «...Его труд свидетельствует о редком мастерстве исполнения и соединяет обширную и надёжную эрудицию с вдумчивым размышлением. Даже патриотизм, быть может, несколько преувеличенный, который пронизывает всё сочинение, скорее располагает к нему: нам близки люди, искренне любящие свою родину».

«Времена, когда в России искали лишь дурные стороны, миновали; теперь требуется оценка более широкая и более беспристрастная».

Дав такую оценку книге Жеребцова, Леузон Лё Дюк приступает затем к полемике с автором ещё одной рецензии на «Очерк истории цивилизации в России» — Борисом Николаевичем Чичериным (1828–1904), российским правоведом, историком и публицистом. Чичерин опубликовал свою заметку в парижской газете «Le Nord»¹. К сожалению, обнаружить соответствующий номер газеты не удалось, и нам придётся опираться на пересказ этой рецензии французским автором.

Молодой Чичерин (на тот момент ему 30 лет) придерживался сугубо западного мировоззрения, что и отразилось в его оценках. Как пишет Леузон Лё Дюк: «По его мнению, г-н де Жеребцов видит всё в розовом свете: он не пишет историю, а сочиняет *идиллию*...» Чичерин перечисляет разного рода социальные язвы, встречавшиеся в российской действительности, и упрекает Жеребцова за недостаток критичности. Тон статьи был таков, что удивил даже французского читателя: «Г-н де Кюстин и другие, наименее благожелательно настроенные к России авторы, не сказали бы резче. Ах, будь мы всё ещё во времена войны, публицисты Лондона и Парижа с радостью возжигали бы свечи в честь г-на Чичерина!»

Трудно ответить Чичерину и его единомышленникам — тогдашним и современным «западникам» — лучше, чем это сделал Леузон Лё Дюк: «Г-н де Жеребцов берёт свой предмет в широком охвате: он в общих чертах описывает интеллектуальное и нравственное движение, происходившее в России в различные периоды её истории; он пренебрегает случайными фактами и второстепенными подробностями, останавливаясь лишь на существенном и характерном. Когда мы созерцаем памятник, заботимся ли мы о лужах, которые могут оказаться во дворе, или о пятнах грязи, занесённых под его своды порывом бури?»

Действительно, главная претензия, справедливо предъявляемая ко многим истолкователям и фальсификаторам истории — это неумение или нежелание

¹ См. Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет / Серия «Записи прошлого. Воспоминания и письма» / под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. М., 1929. С. 68.

отделить общее от частного, главное от второстепенного. Есть основная тенденция развития; есть отдельные явления, ей противодействующие — и задачей историка всегда является не только описать всё подряд происходящее, но и выявить такого рода закономерности, дать объективные оценки, исходя из общей направленности и результатов исторического процесса.

А результат исторического процесса в нашем случае таков: «...страна существует более тысячи лет, большую часть своей истории играет ключевую роль в развитии мировой цивилизации и при всех трагедиях недавнего прошлого сохраняет суверенитет, свою культуру и свою самоидентификацию и мощный научный и промышленный потенциал. Это позволяет утверждать, что она обладает в целом позитивным балансом в сравнении успехов и неудач.

Принцип позитивной истории предполагает, что история страны может и должна быть рассмотрена в целом как история успехов, преодоления препятствий и разрешения противоречий»¹.

«Данный принцип предполагает, что у граждан России есть все основания рассматривать свою историю не как основание для сожалений и раскаяний, а как предмет гордости. ... История должна изучаться и преподаваться с точки зрения побед и достижений — оплаченных подчас трагедиями и потерями»².

Историк не имеет права избегать оценок — в противном случае он не историк, а всего лишь хроникёр. Но каков критерий оценки? Для ответа на этот вопрос процитируем нашего современника, писателя и драматурга Юрия Михайловича Полякова: «Историю можно в какой-то мере сравнить с символом веры. В одной и той же истории нетрудно найти то, что возвышает, вдохновляет, зовёт на большие свершения, и то, что возмущает, отталкивает. И всё это можно сказать абсолютно про любую историю — американскую, британскую, французскую и т. д. Каждую из них можно описать и трактовать таким образом, что захочется с данной страной покончить раз и навсегда. Полагаю, что любой нормальный человек должен свою историю, прежде всего, любить и понимать, что всё её течение привело в конечном итоге к тому, что живёт он именно здесь и сейчас.

Нужно добиваться того, чтобы история была написана с точки зрения интересов России»³.

¹ Черняховский С. Ф. О концепции государственной политики исторической памяти // www.km.ru. 13.08.2021.

² Черняховский С. Ф. О перспективах развития государственной политики России в области культуры // Изборский клуб. № 5. 2016.

³ Поляков Ю. М. Преддубилейный ажиотаж // Культура. 20.09.2014.

Б. Н. Чичерин образца 1858 года этого не понимал. Напротив, француз Леузон Лё Дюк выступает в данном споре защитником России и, если использовать современное выражение, сторонником многополярного мира: «Безусловно, мы с удовлетворением видим, как Россия сближается с Западом. Но мы не можем согласиться с тем, что это должно означать отказ от собственной национальной самобытности. Та цивилизация, которую Пётр Великий стремился насадить — цивилизация, внедряемая топором и бритвой, — оказалась для неё губительной; ей необходимо избрать иной путь. Именно к этому призывает г-н де Жеребцов — и в этом он прав. Мы, люди Запада, раскрываем объятия всем народам; но не для того, чтобы их подавлять или поглощать. Пусть они остаются самими собой, приближаясь к нам! Единство в разнообразии — разве не в этом заключается прекрасный идеал человеческого общества?»

Увы, сегодня эти мысли мудрых интеллектуалов XIX века давно и прочно забыты. Вместо них Запад выбрал европоцентризм и русофобию.

Помимо заметки Чичерина, нам известны ещё две рецензии на труд Жеребцова, которые также следует отнести к категории разгромно-негативных. Это длинная статья литературного критика Николая Александровича Добролюбова (1836–1861), вышедшая в двух номерах журнала «Современник»¹; и столь же объёмная публикация малоизвестного литератора Евгения Петровича Карновича (1823–1885) в двух номерах журнала «Отечественные записки»². Оба названных автора относятся к западническому крылу русской мысли, что и предопределило содержание написанных ими отзывов. Впрочем, как «Современник», так и «Отечественные записки» строго придерживались либерально-западнической тенденции, и сочинения иной тональности на их страницах просто не могли появиться.

Можно предположить, что негативное отношение обоих журналов отчасти было обусловлено и теми характеристиками, которые дал им Жеребцов. Про «Отечественные записки» он пишет, что их «космополитическое влияние» росло «в ущерб вере, национальной идентичности и даже патриотизму»³. Тенденция «Современника» при этом «оставалась менее враждебной к национальной иден-

¹ Добролюбов Н. А. Русская цивилизация, сочинённая г. Жеребцовым // Современник. 1858. № 10. Отд. II. С. 121–154; № 11. Отд. II. С. 1–50. Современное издание: Добролюбов Н. А. Сочинения в 9 т. Т. 3. М. — Л., 1962. С. 255–335.

² Карнович Е. П. Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de-Gerebtzoff. Paris. 1858. Два тома // Отечественные записки. 1858. Том CXX. Отд. II, раздел «Критика». С. 27–60; Том CXX. Отд. II, раздел «Критика». С. 1–44.

³ См. настоящее издание. С. 593.

тичности, чем у *«Отечественных записок»*¹ — то есть, значит, враждебность эта всё же присутствовала.

Юному Добролюбову на тот момент было 22 года, и он активно создавал себе имя, нападая на признанные авторитеты. Знакомство с его творчеством неизбежно вызывает ассоциации то с басней про Слона и Моську, то с известным анекдотом о том, как некий критик объясняет извозчику суть своей профессии («писатели книги пишут, а я их ругаю»). О качестве добролюбовской аналитики можно судить, например, по тому факту, что А. С. Пушкина он характеризовал как «натуру неглубокую, но живую, лёгкую, увлекающуюся», которой, увы, не дано было «проникнуться духом русской народности»².

Популярности Добролюбова в определённых кругах способствовала хлёсткая критика российского государства. Данный аспект его деятельности удостоился похвал от Ф. Энгельса и В. И. Ленина, которые рассматривали Добролюбова как единомышленника в борьбе с «самодержавием» (что в устах этих персонажей означало борьбу с национальной Россией)³. Вероятно, лишь из-за ранней смерти Добролюбов не успел наговорить себе на состав преступления и не был осуждён, как его ближайший соратник Н. Г. Чернышевский.

По инерции, сохраняющейся с советского периода, мнениям Добролюбова до сих пор придаётся совершенно незаслуженное значение. Вернёмся к тексту его рецензии и посмотрим, что же не понравилось Добролюбову у Жеребцова⁴.

Итак, прежде всего мы обнаруживаем, что Добролюбов не считает Н. А. Жеребцова патриотом. Но что же есть патриотизм? Добролюбов разъясняет: «...от идеи своего народа и государства человек, не останавливающийся в своём развитии, возвышается посредством изучения чужих народностей до идеи народа и государства вообще и, наконец, постигает отвлечённую идею человечества, так что в каждом человеке, представляющемся ему, видит прежде всего человека, а не немца, поляка, жида, русского и пр. На этой степени развития в человеке необходимо должно исчезнуть то, что было детского, мечтательного в его патриотизме, что возбуждало только ребяческие фантазии, несообразные с действительностью и здравым смыслом»⁵.

¹ Там же. С. 594.

² Добролюбов Н. А. Сочинения в 9 т. Т. 2. М. — Л., 1962. С. 259–260.

³ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 36. С. 147; Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 36. С. 370.

⁴ Отметим, что у Добролюбова название труда Жеребцова даётся иначе, чем в настоящем издании: слово «essai» он переводит не как «очерк», а как «опыт» — «Опыт истории цивилизации в России».

⁵ Добролюбов Н. А. Сочинения в 9 т. Том 3. М. — Л., 1962. С. 263.

«Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевлённый таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен»¹.

«Настоящий патриотизм выше всех личных отношений и интересов и находится в теснейшей связи с любовью к человечеству»².

Объективный смысл этой демагогии — в отказе от привычного для нас патриотизма, под которым нормальный человек подразумевает активную и деятельную любовь к своей родине. Любовь эта объявляется «ребяческой фантазией», и вместо неё предлагается любить абстрактное «человечество». Ну а инструкции о том, что лучше для человечества, «западники» типа Добролюбова получают, естественно, с Запада. Потому-то именно для Запада они «наиболее полезны». Пожалуй, это главное, что следует знать о «западнической» философии, что в XIX, что в XXI веке.

Неудивительно, что Добролюбов сводит «псевдопатриотизм» (читай: нормальный патриотизм) к шовинизму: «Совершенно другие результаты представляет псевдопатриотизм, иногда с удивительным бесстыдством прикрывающийся именем истинной любви к отечеству. Он совершенно противоположен настоящему патриотизму, Тот есть ограничение общей любви к человечеству; этот, напротив, есть расширение, до возможной степени, неразумной любви к себе и к своему и потому часто граничит с человеконенавидением»³.

Жеребцов, таким образом, оказывается у Добролюбова вначале не патриотом, затем «псевдопатриотом», а в итоге и вовсе подозревается в «человеконенавидении». В труде Жеребцова нет ни единого слова, которое могло бы оправдать такое отношение — но, как уже было сказано, хлётко писать Добролюбов умел.

Читаем дальше: «...Псевдопатриоты, фразисто расписывающие свою любовь к милому, славному, великому отечеству, доказывают только, что им, кроме фраз, нечем заняться. Их развитие не так высоко, чтобы понять значение своей родины в среде других народов...»⁴ В свете всего сказанного получается, что Жеребцов не устраивает Добролюбова, так как не желает жертвовать интересами

¹ Там же. С. 265.

² Там же. С. 266.

³ Там же. С. 266.

⁴ Там же. С. 267–268.

России ради «других народов» (то есть прежде всего народов европейских как самых «передовых»), а осмеливается отстаивать самобытность и суверенитет российской цивилизации.

Как считает Добролюбов, «псевдопатриотизм» Жеребцова приводит к изображению им России в приукрашенном виде: «...преимущественно остаивается г. Жеребцов на тех явлениях нашей истории и жизни, которые ему кажутся хорошими; тёмные же стороны он большею частию, особенно в древней Руси, указывает очень бегло или даже вовсе о них умалчивает»¹. Выше уже было достаточно сказано, почему такая оценка несправедлива и необоснованна.

Впрочем, Добролюбов обвиняет Жеребцова не только в предвзятости, но и в некомпетентности: «...«Опыт истории цивилизации в России» и действительно можно уподобить топкой трясине, в которой ежеминутно можно погрязнуть в тине лжи, выдумок, безобразных искажений и произвольных толкований фактов»². Судит об этом недавний студент, имеющий за плечами духовную семинарию и педагогический институт... Безусловно, современные историки найдут у Жеребцова множество ошибок и неточностей — но таково было состояние исторической науки того времени. Во всяком случае, у нас нет оснований полагать мнение Добролюбова более веским, нежели положительные оценки, данные труду Жеребцова другими, более авторитетными авторами.

Для Добролюбова неприемлемо представление о возможности развития по незападному пути. Отсюда насмешливая критика тех ценностных оснований российской цивилизации, которые пытается осмыслить Жеребцов: «По мнению г. Жеребцова, идеи, управлявшие историей России, начала, по которым народ наш развивался, были всегда высоки, непреложны и благотворны, начиная от новгородских славян и от князя Владимира киевского. Но общественные улучшения вводились в стране очень медленно (этого не может не сознать автор) и вовсе не соответствовали этой высокой степени развития, на которой отдельные лица стояли у нас уже в самые древние времена. Так продолжалось много столетий, и, следовательно, если бы уж признать положение Гизо, то пришлось бы идеи, управлявшие развитием древней Руси, сравнить с негреющим солнцем и признать бесплодными, немощными относительно общественного благосостояния. А г. Жеребцов никак не хочет признать это-

¹ Там же. С. 260.

² Там же. С. 295.

го; он, напротив, начала древней Руси ставит даже в пример для нынешней»¹. Приведённый отрывок являет собой пример того, как Добролюбов, читая, не воспринимает смысла написанного. Жеребцов подробно рассказывает о препятствиях, которые Руси пришлось преодолевать на пути цивилизационного развития; о тех духовно-нравственных ценностях, которые стали залогом сохранения российской самобытности. Добролюбов, однако, игнорирует показанный Жеребцовым исторический контекст и ставит всё с ног на голову, заявляя об изначальной несостоятельности «идей, управлявших развитием древней Руси». Заодно отрицается и благотворность контактов с Византией, и вообще значение православия.

Вот другой пример невосприимчивости Добролюбова к непонятным ему концепциям. Пытаясь опровергнуть те критические соображения, которые Жеребцов высказывает относительно реформ Петра I, Добролюбов задаёт вопрос: «Но что должен читатель подумать о русском народе и о всей русской истории, если он поверит г. Жеребцову, что Русь изменила своей народности и мгновенно приняла новые начала цивилизации, уступая произволу одного человека? Никогда ни один народ, ни в древней, ни в новой истории, не делал таких внезапных отречений от своей народности вследствие воли одной личности. Что же за народ эти русские, так бестолково податливые? И что это за развитие древней Руси, успевшее довести народ до такой эластичности?»² Но ведь Жеребцов как раз пишет, почему Русь вовсе не «приняла мгновенно» эти самые «начала цивилизации»! А принятие их правящим сословием повлекло за собой возникновение острейших социальных противоречий. Собственно, изложению данной проблематики посвящена большая часть труда Жеребцова. Создаётся впечатление, что Добролюбов крайне поверхностно критикует отдельные тезисы, им замеченные, не вникая в текст и не обращая внимание на аргументацию автора. Или, может быть, эта интеллектуальная неряшливость объясняется недостаточным знанием французского языка?..

Помимо сугубой критики, Добролюбов вместе с тем раскрывает и собственное видение исторического процесса: «Все люди, во все времена, во всех народах, искали и ищут собственного блага; оно есть неизбежный и единственный стимул каждого свободного действия человеческого. Разница только в том, кто как понимает это благо, в чём видит удовлетворение своего эгоизма»³. Ограниченность такого вульгарного материализма, надо думать, не требует специальных

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 284.

разъяснений. Самого же Добролюбова пренебрежение духовными аспектами бытия логично приводит к тому, что принято называть «классовым подходом» в изучении общества:

«В глазах истинно образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и парий, а есть только *люди трудящиеся* и *дармоеды*. Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории. По степени большего или меньшего уважения к труду и по уменью оценивать труд более или менее соответственно его истинной ценности — можно узнать степень цивилизации народа. Степень возможности и распространения дармоедства в народе может служить безошибочным указателем большей или меньшей недостаточности его цивилизации. С этой точки зрения, не генеалогические предания и не внешняя стройность государственной организации должны занимать историка народной образованности. Гораздо более заслуживают его внимания, с одной стороны, — права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах... При рассмотрении всего этого выкажутся и степень распространения знаний в народе и степень его нравственной силы»¹.

Неудивительно, что Ленин так ценил Добролюбова — приведённое высказывание вполне в духе коммунистической идеологии «взять всё и поделить». И если жизнь отправила марксистско-ленинское учение на свалку истории, то туда же следует определить и его предшественников — таких как Н. А. Добролюбов.

По сравнению с Добролюбовым, рецензия Е. П. Карновича выглядит менее идеологизированной, хотя её автор и не удерживается от выпадов в адрес славянофилов. Карнович делает упор на оспаривании фактов, приводимых Жеребцовым, и выводов, на них основанных.

Аргументацию Карновича можно разделить на две части. К первой относятся те же, что у Чичерина и Добролюбова, претензии относительно недостаточного внимания к негативным сторонам российской действительности. По мнению Карновича, книга Жеребцова имеет «защитительный», то есть необъективный характер², и представляет собой «фанатическую лесть»³ вместо исторической правды; Жеребцов сознательно «утаивает исторические факты»⁴ в угоду своим концепциям, и вообще всё это не наука, а «безжалостное пожерт-

¹ Там же. С. 315.

² См. Отечественные записки. 1858. Том СХХ. Отд. II. С. 30–31.

³ См. Отечественные записки. 1858. Том СХХ. Отд. II. С. 44.

⁴ Там же. С. 30.

ование истиной в подкрепление бесполезной идеи»¹. «Бесполезной идеей» для Карновича является в целом вся славянофильская концепция российской истории в изложении Жеребцова.

Как уже говорилось выше, суть вопроса здесь не в замалчивании или выпячивании тех или иных фактов. Речь идёт об основаниях для выделения ключевых тенденций и определённой интерпретации истории. Неудивительно, что с «западнических» позиций история России выглядит «неправильной». Вообще, наличие разных интерпретаций нормально для исторической науки; но следует также понимать и влияние тех или иных трактовок на общественное сознание. Учёный имеет право на собственную точку зрения; однако и общество имеет право формировать своё отношение к учёному и его деятельности, исходя из своих интересов.

«С этой точки зрения оказывается, что далеко не все интерпретации истории «одинаково полезны». К примеру, одни интерпретации могут служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Другие же, наоборот, своим гиперкритицизмом или же ориентацией на иные, не традиционные для России ценности, могут способствовать дальнейшей атомизации и российского населения, и Российского государства»². При таком рассмотрении «западничество» должно оцениваться как преимущественно негативный фактор для российского исторического развития.

Вторая составляющая полемики Карновича с Жеребцовым состоит в указании на фактические ошибки, которые, по мнению критика, присутствуют в «Очерке истории цивилизации в России». Но ведь автор книги черпал материал из доступных ему источников, и, как уже было сказано, в целом изложение Жеребцова соответствует тогдашнему уровню исторической науки. Для выяснения, кто прав при изложении отдельных фактов — Жеребцов или Карнович — по-хорошему в каждом случае следует предпринимать специальное историческое расследование. Причём современный историк, возможно, сочтёт устаревшими позиции обоих, и Жеребцова, и Карновича.

Часто бывает, что объяснение требует более глубокого знакомства с предметом, нежели кажется достаточным публицисту. Так, описывая нашествие

¹ См. Отечественные записки, 1858. Том СХХ. Отд. II. С. 59.

² Перевезенцев С. В. Историческое сознание: опыт типологии // Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодёжи / под ред. С. В. Перевезенцева и А. В. Селезнёвой. М., 2024. С. 107.

Батия в 1238 году, Жеребцов сообщает, что тот, не дойдя ста километров до Новгорода, «резко остановился и повернул назад, чтобы через Козельск и Калугу вернуться на южные берега Волги»¹. На что Карнович указывает: «...надобно заметить, что Калуга делается известною в первый раз только в 1389 году, а до того времени о ней нет в наших сказаниях никакого помину»². Получается, Жеребцов допускает грубую ошибку?³ Но если обратиться к тексту «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, то там мы обнаруживаем следующий текст: «Батый находился в 100 вёрстах от Новгорода, где плоды цветущей долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг — испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края — к радостному изумлению тамошних жителей обратился назад к Козельску (в Губернии Калужской)»⁴. Ясно, что Карамзину следовало бы использовать оборот «на территории современной Калужской губернии», однако он не счёл это необходимым. То есть упоминание о Калуге в данном случае следует отнести на счёт Карамзина, а не Жеребцова; в конце концов, последний не имел оснований не доверять Карамзину.

В целом мы видим, что если идейные противники Жеребцова вообще отказывают ему в научной достоверности — то, наоборот, благожелательно настроенные историки указывают лишь на наличие отдельных ошибок и неточностей у нашего автора. Так что итоговая оценка и здесь зависит от мировоззренческих установок.

В некотором смысле спор между западниками и славянофилами не окончен до сих пор: он будет продолжаться, пока на Земле существуют разные человеческие цивилизации. Жизнеспособность российской цивилизации как самобытного культурно-исторического типа, её право на существование приходится непрерывно подтверждать в противостоянии с геополитическими противниками. Ход и исход данного глобального процесса определяется прежде всего усилиями людей, в нём задействованных. Представляется, что именно сознание этого долга побудило Н. А. Жеребцова написать свою книгу; по этому же критерию потомки будут оценивать и нашу с вами деятельность.

Николай Арсеньевич Жеребцов предстаёт перед нами как незаурядная и многогранная личность. Патриот-монархист и эрудированный любитель

¹ См. настоящее издание. С. 133.

² См. Отечественные записки. 1858. Том СХХ. Отд. II. С. 52.

³ По современным данным, первое упоминание о Калуге относится к 1371 году. Хотя город существовал задолго до того, и историки до сих пор спорят о времени его основания.

⁴ Карамзин Н. М. История государства российского. Том III. СПб., 1816. С. 280.

истории, успешный предприниматель и добросовестный чиновник. Главным же в его мировоззрении видится сознание ответственности власти перед обществом. Элита должна быть не паразитической надстройкой, а органической частью социума, возникающей для решения вопросов стратегического целеполагания и управления. А залогом единства правящего слоя и народа оказывается приверженность традиционной для России системе духовно-нравственных ценностей.

Представителем именно такой национальной элиты был Н. А. Жеребцов, давший своей жизнью яркий пример служения Отечеству.

Проблема формирования подлинной элиты, объединённой общими ценностями, не была решена в XIX веке; не решена она и до сих пор. Даже сегодня противники традиционных ценностей пытаются выдать их за некие замшелые догмы, закрепляющие отжившие представления и тормозящие развитие страны. Судя по книге Жеребцова, аналогичная пропаганда велась и в его время (сегодня мы назвали бы её «деструктивным информационно-психологическим воздействием»). Решительно опровергая такие измышления, Жеребцов – переводя на современный язык – отстаивает традиционные духовно-нравственные ценности как нравственные ориентиры, позволяющие развиваться с опорой на национальное историко-культурное наследие, сохраняя цивилизационную идентичность:

«Недоброжелатели, возможно, припишут нам ретроградные взгляды; чтобы дискредитировать наши идеи, они прибегнут пусть к изношенному, но по-прежнему действенному оружию – к насмешке и сарказму. Им будет удобно представить наши убеждения в виде неизбежного стремления вернуть бороды и кафтаны, а вместе с ними и социальный строй времён царя Алексея. Мы заранее отвергаем подобные обвинения: действительно, мы полагаем, что борода и кафтан, далеко не будучи преградой на пути цивилизационного развития, напротив, могли бы способствовать сближению разделённых слоёв общества, и это было бы желательно с точки зрения интересов и будущей безопасности представителей высшего класса. Однако это вовсе не главные условия будущего прогресса. Речь идёт о вещах гораздо более значительных: о дальнейшем национальном развитии, основанном на нравственно-религиозном воспитании всех слоёв общества; о необходимости направлять научную и литературную деятельность в этом русле и в соответствующем духе; о проведении социальных реформ так, чтобы извлекать пользу из всего положительного, что было заимствовано, продолжая полезное подражание, но вместе с тем стремясь опираться на принципы общины и *мира*, где каждый

свободен в личных поступках, однако подчинён коллективу в тех действиях, которые затрагивают его взаимоотношения с другими. Наконец, речь идёт о возрождении общества на этой прочной и естественной основе путём последовательных и разумных мер, которые таким образом постепенно приведут его к совершенствованию»¹.

Эти слова Николая Арсеньевича Жеребцова остаются исключительно актуальными и для современной России.

* * *

¹ См. настоящее издание. С. 812–813.

Книга Н. А. Жеребцова «Очерк истории цивилизации в России» издаётся на русском языке впервые. (За исключением отдельных отрывков, приводимых Н. И. Гречем, Н. А. Добролюбовым и Е. П. Карновичем в своих рецензиях. При подготовке настоящего издания эти фрагменты не использовались.)

Перевод с французского языка сделан Е. С. Григорьевой (бюро переводов «Трансвертум») и отредактирован В. В. Аристарховым.

В русском переводе по возможности сохранён стиль автора с характерными для XIX века многословием и вычурностью. Для удобства читателя чрезмерно длинные предложения разделены на отдельные части, если это можно было сделать без ущерба для смыслового содержания. В ряде случаев, однако, стилистикой приходилось жертвовать ради точности перевода.

Все комментарии в сносках, если иное не оговорено особо, принадлежат редактору. (Примечания, сделанные автором и другими лицами, обозначены курсивом, например: *«Примечание Н. А. Жеребцова»*.) Для составления комментариев использовались преимущественно общедоступные источники — такие как Национальная электронная библиотека (rusneb.ru), российская интернет-энциклопедия «РУВИКИ» (ru.ruwiki.ru), «Большая российская энциклопедия» (bigenc.ru), «Православная энциклопедия» (pravenc.ru) и т. д.

Поскольку буква «ё» появилась в русском языке с 1797 г., то при ссылке на вышедшие ранее этой даты российские издания буква «ё» не используется (например, Татищев В. Н. «История российская с самых древнейших времен» — а не «времён», как в современном русском языке). Названия российских изданий, вышедших в 1797 г. и позднее, приводятся с использованием буквы «ё» там, где это обусловлено правилами русского языка.

Краткие биографические данные об упоминаемых лицах приводятся в сносках, как правило, только при первом упоминании в тексте. Эти же биографические данные воспроизводятся в именном указателе, приложенном к настоящему изданию.

Представляется, что труд Н. А. Жеребцова может быть рекомендован:

- для ознакомления с историей России, как её видели славянофилы;
- для подробного изучения российской жизни первой половины XIX века во всех аспектах, от социальной иерархии до состояния экономики, образования, наук и искусств;
- а также всем интересующимся не только фактурой, но и общими закономерностями исторического процесса в его цивилизационном измерении.

В. В. Аристархов

ESSAI
SUR L'HISTOIRE
DE LA
CIVILISATION
EN RUSSIE

PAR
NICOLAS DE GEREBTZOFF

TOME I
RUSSIE ANCIENNE

PARIS
AMYOT, ÉDITEUR, 8 RUE DE LA PAIX

MDCCCLVIII

ОЧЕРК ИСТОРИИ

ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

НИКОЛАЙ ЖЕРЕБЦОВ

ТОМ I

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬ АМИЙО. УЛИЦА ДЕ ЛЯ ПЭ, 8

—
1858

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подолгу путешествуя по разным европейским странам, я был поражён тем неведением, в котором находится большинство людей — кстати, весьма образованных — в отношении всего того, что касается не только России древней, но и России современной. Это неведение мне всегда казалось очень странным, тем более в ту эпоху, когда Россия заняла достаточно почётное место в «Европейском концерте»¹. Когда же мне случалось выразить своё удивление, то обычно я получал объяснение, что такой недостаток знаний именно о России вызван, во-первых, удалённостью этой страны от всей остальной Европы и трудностями, которые возникают у иностранца для того, чтобы отправиться в путешествие и изучить Российскую империю. Другой же причиной является отсутствие работ французских исследователей, способных дать точное представление о России. Обычно в подобного рода дискуссиях я рекомендовал прекрасный труд господина фон Гакстгаузена². Однако в ответ мне всегда возражали, что данная работа, безусловно могущая быть рекомендованной, представляет собой скорее экономическое и этнографическое исследование о России, нежели сочинение общего характера, которое само по себе способно

¹ «Европейский концерт» — система международных отношений в Европе, сложившаяся после наполеоновских войн по результатам Венского конгресса 1814–1815 г.

Здесь и далее комментарии в сносках даны редактором, если иное не оговорено особо.

² Гакстгаузен: Август фон Гакстгаузен (August Franz Ludwig Maria, baron von Haxthausen-Abbenburg, 1792–1866) — прусский чиновник, экономист, исследователь России. Автор книги «Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie» (в 3 томах, Hanover, 1847–1853). В русском переводе вышел 1-й том под заглавием «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (М., 1869).

Здесь и далее краткие биографические данные приводятся, как правило, только при первом упоминании в тексте. Эти же биографические данные воспроизводятся в именном указателе, приложенном к настоящему изданию.

было бы дать полное представление о стране и нации. Тогда я отправлял их к «Истории» Карамзина¹; мне отвечали, что это слишком объёмное сочинение для чтения иностранцем, у которого нет необходимости специально посвящать себя изучению русской истории. Что касается других трудов, посвящённых нашей стране, то мне говорили, что они не вызывают достаточного доверия, так как их иностранные авторы слишком плохо знают русский язык, обычаи и представления нашего народа, чтобы давать точную оценку всем возникающим общественным явлениям.

Все эти рассуждения показались мне весьма правильными; я захотел заполнить данную лакуну настолько, насколько мои возможности позволяли мне это сделать. Я убеждён, что невозможно составить мнение о каком-либо народе, не зная его истории; в связи с этим я посчитал необходимым придать моему труду историческую форму. Но исторические сочинения обычно представляют собой исключительно повествования о событиях, которые оказывают большее или меньшее влияние на правителей и правительства народов, и такого рода трудов, причём весьма талантливых, написано уже изрядное количество. Поэтому с моей стороны было бы самонадеянно претендовать на то, что я смогу добавить здесь что-то интересное. Я постарался найти способ изложить историю народа как такового, основываясь на убеждении, что различия в тех этапах, которыми выражается жизнь народов, позволят любому пытливому исследователю обнаружить здесь нечто новое.

Итак, мне оставалось лишь найти в истории народа тот аспект, который более всего мог бы заинтересовать иностранного читателя, и который позволил бы описать самые различные стороны жизни нации. Я полагал, что каждый индивид может заинтересоваться произведением настолько сильно, насколько оно содержит близкие для читателя факты, связанные с его личным восприятием. В связи с этим я должен был выбрать для изложения ту сторону истории, в которой русская нация больше всего связана с человеческим сообществом; таким образом, в качестве главной линии была выбрана история русской цивилизации. В самом деле, цивилизация представляет собой общее связующее начало для всего человечества. Каждый народ играет свою роль в заполнении этой обширной сферы совершенствования человеческого рода; именно в данной *гуманитарной* сфере встречаются и соприкасаются все народы; их взаимное родство определяется большей или меньшей степенью

¹ Карамзин Николай Михайлович (1765 или 1766–1826) – русский историк, писатель, поэт, общественный деятель. Автор «Истории государства Российского», доведённой до событий 1611–1612 г. (в 12 томах, СПб., 1816–1829).